

ПРОБЛЕМА РОКСОЛАНОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

А. В. Деревянко

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 сентября 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию состояния роксоланской проблемы в науке XX в. Проанализированы основные версии отождествления различных сарматских древностей с культурой роксоланов, их военной организации и социальной структуры; рассмотрен вопрос о седентаризации.*

Ключевые слова: *археология, роксоланы, сарматы, Северное Причерноморье, диагональные погребения, катафрактариш.*

Abstract: *article is devoted to the study of the problem Roxolani in the science of 20th century; analyzed all versions of identification Sarmatian antiquities and culture of Roxolani; the problems of cataphract and the social structure of the nomads, raised the issue at Roxolani sedentarization processes; the ways of solving problems of Roxolani.*

Key words: *archaeology, roxolani, sarmatians, Northern Black Sea Coast, diagonal burial, cataphracts.*

Одним из самых могущественных сарматских племен были роксоланы. Долгое время их историю изучали главным образом на основе сведений, сохранившихся в античной литературной традиции. Поиск археологических следов существования роксоланов начался лишь с середины XX столетия. Выдающийся советский сарматовед К. Ф. Смирнов попытался впервые связать с этим народом сарматские погребальные сооружения определенного типа и некоторые специфические черты погребальной обрядности. Ученый полагал, что роксоланам принадлежали погребения в квадратных ямах с диагональным положением костяков [1, с. 213–219]. Казалось бы, такая атрибуция позволила автору по данным археологии наметить миграционный путь роксоланов на запад. Позже эту идею поддержал В. Б. Виноградов, также относивший «диагональные» захоронения на Северном Кавказе к роксоланам [2, с. 224].

Но с увеличением объема археологических исследований и с накоплением нового массового материала со временем стало очевидно, что «диагональные» погребения первых веков н. э. не могут считаться исключительно роксоланскими – по месту и времени они могли быть оставлены и другими сарматскими этносами. С критикой воззрений К. Ф. Смирнова выступили В. П. Шилов, И. П. Засецкая [3, с. 454–456; 4, с. 105–121]. Они показали, что такие весьма специфические захоронения нельзя однозначно связывать с тем или иным племенным объединением сарматов. Видимо, погребения в больших квадратных могилах с положением умершего по диагонали отражали особенности мировоззрения

сарматов как древнего ираноязычного народа [5, с. 71]. Стоит подчеркнуть, что К. Ф. Смирнов, являясь крупнейшим специалистом в области сарматской археологии второй половины XX в., лучше других понял складывающуюся ситуацию и в конце концов отказался от выдвинутого им ранее тезиса [6, с. 121]. Несколько позже К. Ф. Смирнова румынский археолог С. Моринц, изучавший сарматские памятники в Подунавье, предположил, что роксоланам принадлежат захоронения с меловой посыпкой дна [7, с. 465]. Но эта идея также не нашла археологического подтверждения. Мы знаем, что подобный обряд был характерен практически для всех периодов сарматской культуры, и идентифицировать его только с роксоланами вряд ли правомерно.

Румынский ученый Г. Бикир считал возможным отождествлять с роксоланами все памятники сарматского времени в низовьях Дуная [8, с. 176]. Это утверждение подверглось резкой критике со стороны Э. А. Рикмана [9, с. 11]. Последующие исследования показали, что материалы сарматского времени в указанном регионе были оставлены разноэтничными группами кочевого населения. Необходима более продуманная аргументация в пользу сопоставления с роксоланами ряда памятников Дунайского левого бережья.

Таким образом, первые попытки связать с роксоланами конкретные сарматские археологические памятники оказались неудачными. Но, возможно, именно они дали толчок для дальнейшего поиска роксоланских древностей.

Настоящим прорывом в исследовании проблемы стали работы археологов с конца 1980-х гг. Изучение

раннесарматских погребений Северного Причерноморья позволило ученым говорить о возможности выделения на их основе двух локальных вариантов археологической культуры, отличающихся друг от друга прежде всего ориентировкой погребенных [10, с. 117–122; 11, с. 21–23, с. 104–112]. По праву «места и времени» один из выделенных вариантов соотносился с язигами [11, с. 110–112; 12, с. 150–152], другой – с роксоланами [13]. Наиболее полную разработку гипотеза о роксоланской этнической принадлежности некоторых раннесарматских памятников на территории современной Украины получила в работах украинского ученого А. В. Симоненко [11, с. 25–29, с. 112–114; 14, с. 25–26; 15, с. 17–28]. Он выделял их по совокупности следующих археологических признаков: впускные погребения в курганы предшествующих эпох, северная ориентировка умерших, преимущественно подпрямоугольные могилы, размещение напутственной пищи в головах, из хроноиндикаторов – фибулы типа В-Костшевский (так называемые «неапольские»), мечи и кинжалы с серповидным навершием, железные втульчатые наконечники стрел, позднеэллинистические типы бус, зеркала Хазанов IV.

На основании картографирования выделенных им памятников киевский археолог попытался обозначить ранний ареал обитания роксоланов во II–I вв. до н. э., опираясь на указания античных авторов, прежде всего греческого географа Страбона. Его границы он определял так: Орель-Самарское междуречье на севере, бассейн Северского Донца на северо-востоке, Задонье на востоке и р. Днепр на западе [14, с. 25]. Следует еще раз подчеркнуть, что эти выводы были сделаны на основе комплексного анализа археологических памятников и свидетельств античной традиции. А. В. Симоненко считал, что смена населения в междуречье Днепра и Дона частично произошла только во второй половине I в. н. э. в связи с появлением в таврических степях нового кочевого объединения [там же]. Отметим, что для сарматов Северного Причерноморья отмеченная автором погребальная традиция оставалась характерной вплоть до начала позднесарматского времени. Подобные захоронения I – первой половины II в. н. э. известны от низовий Дуная на западе (Костешты, Ханкауцы и др.) до северо-западного побережья Азовского моря на востоке (Новое, Юрьевка и др.).

По нашему мнению, данные погребения также были оставлены роксоланами, которые, согласно имеющимся письменным и эпиграфическим данным, достигают в I–II вв. н. э. периода своего наивысшего могущества. Примечательно, что А. В. Симоненко предлагает для сарматской археологической культуры Украины II в. до н. э. – первой половины II в. н. э. использовать название «I период» с подразделением его на 4 фазы [16, с. 157–158]. Такое внутреннее

деление I периода автор обосновывает наличием импортных изделий, выступающих в качестве опорных хроноиндикаторов [17, с. 151–157]. На наш взгляд, объединение памятников одним термином имеет положительное значение, так как в названный хронологический диапазон в Северном Причерноморье, судя по имеющемуся археологическому материалу, бытовала единая сарматская культура. Но в то же время такое членение отрывает роксоланские погребения данной группы от роксоланских памятников II–III вв. н. э. в степях Бужака.

Взгляды украинского ученого не встретили серьезных возражений со стороны других исследователей, хотя в историографии имеются другие интерпретации сарматских погребений с северной ориентировкой [18; 19, с. 27–28; 20, с. 17–28]. У данной гипотезы появились и сторонники [21, с. 13–14; 22, с. 251–254]. В частности, В. П. Глебов еще раз обратил внимание на наличие среди нижнедонских раннесарматских комплексов погребений с северной ориентацией и предложил часть из них идентифицировать с роксоланами [21, с. 13–14]. Так подтверждалась гипотеза А. В. Симоненко о восточной границе кочевания ранних роксоланов. Получается, что территория Нижнего Подонья оставалась в зоне влияния роксоланов вплоть до начала I в. н. э., времени появления здесь аланского объединения.

По мнению одесского археолога А. Н. Дзиговского, роксоланами были оставлены могильники середины II – первой половины III в. н. э. в междуречье Среднего Прута и Днестра (Старые Куконешты I и II, Петрешты и др.) и в степях Бужака (Васильевка, Холмское и др.). С археологической точки зрения, данные памятники, несомненно, принадлежали одной этнически близкой группе населения. Их объединяет погребальный обряд: наличие круглых, квадратных и прямоугольных ровиков вокруг захоронений, прямоугольные в плане могильные ямы и ямы с заплечиками, ориентировка погребенных в северном полукруге, положение умершего вытянуто на спине, форма лепной керамической посуды [23, с. 151]. Однако отождествление данной группы погребений с роксоланами нам кажется вполне справедливым. В это время по письменным источникам (Tac. Hist.: I. 79. 1–4; Cass. Dio.: 3. 4. 2; SHA) в Нижнем Подунавье мы знаем одно по-настоящему сильное племя – роксоланов.

В контексте роксоланской темы особое внимание исследователей привлекли ровики на сарматских могильниках Бужака. А. В. Симоненко первоначально связывал их появление с влиянием западных кельтов [24]. Но открытие подобных конструкций на сарматских памятниках этого времени в междуречье Волги и Дона предполагает возможность для поиска истоков традиции в индоиранском мире. Наиболее ранние могильники с наличием аналогичного обряда

у сарматов зафиксированы в Верхнем Подонье, на что обратил внимание А. Н. Дзиговский, предположивший на основе этого вероятность переселения верхнедонских сарматов через Днепр в степи Буджака, где они влились в племенной союз роксоланов [23, с. 151]. Однако нам представляется важным возражение А. П. Медведева о преждевременности выводов А. Н. Дзиговского на основе лишь этого археологического признака [25, с. 53]. Только при сопоставительном анализе донских и буджакских древностей можно будет вести речь либо о реальных схождениях в культуре двух групп населения, либо же об их отсутствии.

Одним из важных аспектов в разработке истории роксоланов является вопрос о сарматских катафрактариях – тяжеловооруженных конных воинах, защищенных броней. Судя по свидетельствам античных авторов, последние появляются у роксолан не позже I в. н. э., о чем есть прямые свидетельства античных источников (Тас., Hist.: I. 79. 1–4). Реальность существования подобного рода воинов у ираноязычных номадов подтверждают изображения таких воинов на колонне Траяна, арке Галерия, стеле из Танаиса и др. Правда, в Северо-Западном Причерноморье захоронений таких воинов обнаружить пока не удалось. В связи с этим А. В. Симоненко полагает, что археологический материал не позволяет вести речь о наличии в составе сарматов Северного Причерноморья катафрактариев как особого рода войск [26, с. 245–250], на что в свое время указывал А. М. Хазанов [27, с. 81–90]. Но нельзя забывать, что погребальный обряд отражал лишь мировоззрение, обычаи народа, но далеко не всегда его реальное вооружение. Известно, что в позднесарматское время в степи отсутствуют погребения сарматов с наконечниками копий [там же, с. 44–50], а в Северном Причерноморье очень редки находки в погребениях наконечников стрел [26, с. 104–107]. Но это не означает, что в среде кочевников практически не было копьеносной конницы или конных лучников. Доспехи были важнее для живых, чем для умерших, – их необязательно оставляли в могилах. Таким образом, мы полагаем, что катафрактарии являлись основной, вероятно, немногочисленной ударной силой роксоланского войска (приблизженные или родственники вождя, его дружина). К подобному выводу приводит и сообщение Тацита: «...их катафракты. Это прикрытие их вождей и всех благородных...» (Hist.: I. 79. 1–4).

С указанной проблемой неразрывно связан вопрос о социальной структуре роксоланов. Судя по археологическому материалу, в начальный период роксоланы представляли собой народ-войско [28, с. 13]. Значительная часть раннесарматских погребений в Причерноморье является воинскими, практически однотипными по сопровождающему инвентарю.

Ситуация изменяется с I в. н. э. В среднесарматское время на памятниках Северного Причерноморья мы видим снижение числа воинских захоронений, что, возможно, влечет за собой появление специализированных воинов – дружины. Для II–III в. н. э. М. М. Фокеев и А. Н. Дзиговский указывают на наличие у сарматов Буджака нескольких социальных групп на основе различия погребального обряда и сопровождающего инвентаря последних [23, с. 157–160; 29, с. 21]. На этом фоне дискуссионной выглядит проблема оседания сарматов на земли Днестро-Дунайского междуречья [9, с. 40–41; 29]. Об этом могли бы свидетельствовать ряд грунтовых погребений II–III вв. н. э., возможно, оставленных наиболее бедной частью роксоланов [23, с. 160–162]. Однако не исключено, что эти погребения, скорее всего, в древности имели небольшие курганные насыпи, которые были уничтожены в результате распашки земель [16, с. 149; 30, с. 89]. Поэтому вести речь об оседании роксоланов на землю в Северо-Западном Причерноморье, на наш взгляд, пока преждевременно. Для обоснования данной версии следует искать поселения со специфическими следами сарматской культуры (круглые в плане жилища типа юрт, сарматская керамика и т.п.), как это сделано на Верхнем Дону [25, с. 71–73]. К сожалению, таковых в степях Буджака пока обнаружить не удастся [29, с. 23].

Завершая историографический обзор проблемы роксоланов, следует сказать, что на сегодняшний день в роксоланской проблематике достигнуты определенные успехи. Исследователями были предприняты попытки решения ряда ключевых вопросов истории роксоланов, основанные на анализе археологических источников, далеко не всегда удачные. Но и на сегодняшний день роксоланы первых веков н. э. остаются археологически «неуловимым» народом. Роксоланская проблема требует специального исследования на основе комплексного анализа всех видов источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан / К. Ф. Смирнов // ВДИ. – 1948. – № 1. – С. 213–219.
2. Виноградов В. Б. Сарматы Северо-восточного Кавказа / В. Б. Виноградов. – Грозный : Изд-во ЧИ НИИ, 1963. – Т. 6. – 224 с.
3. Шилов В. П. Калиновский курганный могильник / В. П. Шилов // МИА. – 1959. – Вып. 60. – С. 323–523.
4. Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности / И. П. Засецкая // АСГЭ. – 1974. – Вып. 16. – С. 105–121.
5. Кокуркина О. В. Символизм ранних славянских диагональных погребений / О. В. Кокуркина // РА. – 2011. – № 2. – С. 67–71.

6. Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии / К. Ф. Смирнов. – М. : Наука, 1984. – 184 с.
7. Моринц С. Некоторые вопросы истории сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением / С. Моринц // *Dacia*. – 1959. – № 3. – С. 451–470.
8. Bichir G. Sarmatii /a Dunarea de jos in lumina ultimelor cercetari / G. Bichir // *Pontica*. – 1972. – V. – P. 137–176.
9. Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры / Э. А. Рикман. – М. : Наука, 1975. – 336 с.
10. Полин С. В. От Скифии к Сарматии / С. В. Полин ; АН Украины, Ин-т археологии. – Киев : Археолог, 1992. – 201 с.
11. Симоненко А. В. Сарматы Таврии / А. В. Симоненко. – Киев : Наукова думка, 1993. – 143 с.
12. Вдовченков Е. В. Сарматская миграция в Среднее Подунавье (по материалам археологии и античной традиции) : дис. канд. ист. наук / Е. В. Вдовченков. – Ростов н/Д., 2005. – 262 с.
13. Глебов В. П. Сарматские погребения с северной ориентировкой III–I вв. до н. э. на Нижнем Дону / В. П. Глебов // Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. – Донецк, 1989. – С. 23–25.
14. Симоненко А. В. Некоторые особенности культурно-исторического развития сарматов Таврии / А. В. Симоненко // Античная цивилизация и варварский мир (материалы III археологического материала). – Краснодар, 1992. – Ч. I. – С. 24–34.
15. Симоненко О. В. Роксоланы (поиск археологических соответствий) / О. В. Симоненко // *Археология*. – 1991. – № 4. – С. 17–28.
16. Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья / А. В. Симоненко // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии : доклады к 5 Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 134–173.
17. Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2011. – 272 с.
18. Сергацков И. В. Раннесарматские погребения с северной ориентировкой в бассейне Иловли / И. В. Сергацков, О. А. Шинкарь // *НАВ*. – 2003. – Вып. 6. – С. 165–178.
19. Глебов В. П. Раннесарматское погребение с острова Поречный / В. П. Глебов, А. Р. Смоляк // *ДА*. – 1998. – № 1. – С. 25–28.
20. Скрипкин А. С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов / А. С. Скрипкин // *НАВ*. – 2000. – Вып. 3. – С. 17–40.
21. Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н. э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. П. Глебов. – М., 2009. – 15 с.
22. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русів у світовому контексті / Ю. В. Павленко. – Киев : Феникс, 1994. – 447 с.
23. Дзиговский А. Н. Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / А. Н. Дзиговский. – Одесса : Гермес, 2003. – 240 с.
24. Симоненко А. В. Еще раз о рвах в погребальном обряде сарматов / А. В. Симоненко // Старожитності I тисячоліття нашої ери на території України. – Київ, 2003. – С. 148–157.
25. Медведев А. П. Сарматы в верховьях Танаиса / А. П. Медведев. – М. : Таус, 2008. – 252 с.
26. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2010. – 328 с.
27. Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов / А. М. Хазанов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. – 285 с.
28. Медведев А. П. Очерк этнографии сарматов / А. П. Медведев // *Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология*. – 2009. – № 2. – С. 3–15.
29. Фокеев М. М. Памятники первых веков н. э. в Буджакской степи / М. М. Фокеев // *Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тыс. н. э.* – Киев : Наукова думка, 1987. – С. 16–26.
30. Гудкова А. В. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. / А. В. Гудкова, М. М. Фокеев. – Киев : Наукова думка. – 1984. – 119 с.

Воронежский государственный университет

Деревянко А. В., аспирант кафедры археологии и истории древнего мира

E-mail: 321val@rambler.ru

Тел.: 8-920-416-19-77

Voronezh State University

Derevyanko A. V., Post-graduate Student of the Archaeology and Ancient History Department

E-mail: 321val@rambler.ru

Tel.: 8-920-416-19-77